

Маколей Томас Бабингтон.

Полное собрание сочинений
Том 1. Критические и исторические
опыты

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-1
ББК 84-5
Т56

Т56 **Томас Бабингтон. М.**
Полное собрание сочинений: Том 1. Критические и исторические опыты / Маколей Томас Бабингтон. – М.: Книга по Требованию, 2024. – 295 с.

ISBN 978-5-519-94857-9

"Полное собрание сочинений Маколей Томас Бабингтон" представляет собой всеобъемлющий сборник работ знаменитого британского историка, эссеиста и политика XIX века. В этом собрании включены все его основные произведения, включая его величайшее достижение - "Историю Англии от времен Якова II".

Маколей известен своим ярким и живописным стилем написания, который придает его историческим работам насыщенность и драматизм. Он также известен своим либеральным подходом к истории и умением представить сложные идеи и события доступным и привлекательным образом.

В "Полное собрание сочинений" включены также его эссе, речи и письма, которые предоставляют взгляд на его мысли и взгляды на различные вопросы, от политики и истории до литературы и образования.

Этот сборник является необходимым чтением для историков, литературных критиков и всех, кто интересуется историей XIX века и британской интеллектуальной историей.

ISBN 978-5-519-94857-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ТОМАСЪ БАБИНГТОНЪ МАКОЛЕЙ.

I.

„*Критическіе и историческіе опыты*“ Маколея составляютъ сборникъ разныхъ статей. Я. признаюсь, люблю подобнаго рода сочиненія. Впервыхъ, вы можете бросить книгу на двадцатой страницѣ, начать ее читать съ конца или съ середины; вы здѣсь не рабъ, а господинъ; вы можете относиться къ ней какъ къ журналу, и дѣйствительно это журналъ умнаго человѣка. Въ вторыхъ, у Маколея эти статьи весьма разнообразны: перелистывая страницу за страницей, вы переноситесь отъ эпохи возрожденія къ XIX столѣтію, изъ Индіи въ Англію; это разнообразіе увлекаетъ и нравится. Наконецъ, авторъ невольно становится тутъ откровененъ: онъ намъ высказывается, ничего не утаивая. Подобная книга имѣетъ вполне характеръ разговора. а такъ какъ онъ ведется величайшимъ англійскимъ историкомъ, то ничто не можетъ съ нимъ сравниться. Вы совершенно довольны, что можете наблюдать источники этого плодovitаго, сильнаго ума; можете видѣть, какими качествами былъ одаренъ его талантъ, какія изслѣдованія образовали его знанія, какія мнѣнія составилъ онъ себѣ о философіи, религіи, государствѣ, литературѣ, однимъ словомъ, вы видите, чѣмъ

онъ былъ, какъ развился и сложился, чего желаетъ и что думаетъ.

Сидя въ креслѣ у камина и перевертывая листъ за листомъ, вы замѣчаете мало-по-малу, что въ вашемъ воображеніи обрисовываются оживленная и мыслящая физіономія и становится выразительнѣе и рельефнѣе: одна черта этого лица дополняетъ и объясняетъ другую. Авторъ стоитъ предъ нами какъ живой; мы понимаемъ, отчего его мысли должны были сложиться именно такъ; предугадываемъ, что онъ хочетъ сказать; приемы его разговора намъ столь же знакомы, какъ приемы человѣка, котораго мы видимъ ежедневно; его мнѣнія исправляютъ или колеблютъ наши; мы даемъ ему мѣсто въ нашей мысли и въ нашей жизни; онъ живетъ за двѣсти лѣтъ отъ насъ, а книга его запечатлѣваетъ въ насъ его образъ, подобно тому, какъ лучи свѣта, отразившись отъ какого-нибудь предмета, рисуютъ его на горизонтѣ. Таково очарованіе, возбуждаемое книгами, которыя обнимаютъ всѣ отрасли знанія, знакомятъ насъ съ мнѣніями писателя о всевозможныхъ предметахъ, заставляютъ насъ проникать во всѣ изгибы его мысли и даютъ, такъ сказать, возможность сдѣлать общій обзоръ его ума.

Маколей смотритъ на философію какъ англичанинъ, съ практической точки зрѣнія. Онъ ученикъ Бэкона и ставитъ его выше всѣхъ философовъ; онъ говоритъ, что настоящая наука ведетъ отъ него свое начало, что всѣ умозрѣнія древнихъ мыслителей ни что иное, какъ игра ума; что въ теченіе двухъ тысячъ лѣтъ человѣческій умъ шелъ ложнымъ путемъ, что только со времени Бэкона онъ узналъ цѣль, къ которой долженъ стремиться, и способъ ея достиженія. Эта цѣль—польза. Цѣль науки не теорія, а ея примѣненія. Задача математики состоитъ не въ удовлетвореніи пустаго любопытства,

а въ изобрѣтеніи машинъ, которыя облегчаютъ работу человѣка, увеличиваютъ его могущество, преодолеваютъ природу, дѣлаютъ жизнь безопаснѣе, удобнѣе и счастливѣе. Цѣль астрономіи не въ томъ, чтобы приводить къ огромнымъ вычисленіямъ и поэтическимъ космогоніямъ, а въ томъ, чтобы служить вспомогательнымъ средствомъ географіи и искусству мореплаванія. Цѣль анатоміи и зоологіи не въ томъ, чтобы краснорѣчиво излагать свойства организаціи живыхъ существъ или располагать ихъ по замысловатой классификаціи, а въ томъ, чтобы правильно вести руку хирурга и научать доктора. Цѣль cadaго открытія и cadaго знанія — уменьшить бѣдствія, увеличить благосостояніе, улучшить положеніе человѣка; теоретическіе законы важны только по своимъ практическимъ примѣненіямъ; значеніе и цѣнность труда въ лабораторіи и кабинетахъ зависитъ только отъ ихъ примѣненій къ работамъ въ мастерскихъ и заводахъ; надо цѣнить древо знанія только по его плодамъ. Если хотятъ обсудить философскую систему, то надо узнать ея слѣдствія; о значеніи же ея надо судить не по книгамъ, а по произведенному ею вліянію. Философія древнихъ выражена въ прекрасныхъ сочиненіяхъ, въ возвышенныхъ фразахъ; она породила нескончаемые споры, пустыя мечты, системы, которыя низвергались системами, — и оставила міръ столь же невѣжественнымъ, жалкимъ и порочнымъ, какъ застала его. Но философія Бэкона вызвала рядъ наблюденій, опытовъ, машинъ; она создала искусства и мануфактуры. „Она продлила жизнь человѣческую, уменьшила горе, уничтожила нѣкоторыя болѣзни, увеличила плодородіе почвы, ослабила силу грозы, освѣтила насъ всѣмъ блескомъ дня, расширила человѣческое зрѣніе, ускорила движеніе, уничтожила разстоянія. Она дала человѣку возможность проникать въ глубину океана, под-

ниматься въ воздушное пространство и проѣзжать по землѣ въ экипажахъ, движущихся безъ помощи лошадей, а по морямъ на корабляхъ, дѣлающихъ по 10 узловъ въ часъ противъ вѣтра.“ Одна истощила въ попыткахъ разобрать непостижимыя загадки, создать типъ идеальнаго мудреца, въ переходахъ отъ одной гипотезы къ другой, отъ нелѣпостей къ нелѣпостямъ; она презирала все практическое; она общалась невозможное и, не зная границъ человѣческаго ума, не знала и его могущества. Другая, измѣривъ наши силы и нашу слабость, отклонила насъ отъ тѣхъ путей, которые для насъ закрыты, чтобы указать намъ новые; она познала факты и управляющіе ими законы, потому что рѣшилась не пытаться проникнуть въ ихъ сущность; она сдѣлала человѣка счастливымъ, потому что не бралась сдѣлать его совершеннымъ; она открыла великія истины и дала важные результаты, потому что имѣла терпѣніе и благоразуміе начать съ изученія мелкихъ предметовъ и долго останавливаться на простыхъ вещахъ; она пріобрѣла славу и могущество, потому что старалась быть смиренной и полезной. Прежде наука ставила себѣ тщеславныя требованія и приходила къ химерическимъ заключеніямъ; она держалась поодаль отъ практической жизни и считала себя властительницею человѣка. Нынѣ наука обладаетъ пріобрѣтенными истинами, въ ней есть задатки къ болѣе важнымъ открытіямъ; власть ея постоянно увеличивается, потому что она вошла въ практическую жизнь и объявила себя слугою человѣка. Если она замкнулась въ своихъ новыхъ обязанностяхъ, если она не старается проникнуть въ область невидимаго, если она отказывается отъ того, что ей должно оставаться неизвѣстнымъ, то это потому, что она сама по себѣ не составляетъ цѣли — она только средство. Не чловѣкъ

для нея — она для человѣка; она сама походитъ на термометры и баттареи, которые человѣкъ создаетъ для своихъ опытовъ; вся ея слава, вся ея заслуга, все ея назначеніе состоятъ въ томъ, чтобы служить орудіемъ.

Не буду разсматривать этихъ мнѣній; читатель можетъ оцѣнить ихъ, если хочетъ; мое дѣло состоитъ не въ томъ, чтобы критиковать различныя ученія. а въ томъ, чтобы описать человѣка; это полное пренебреженіе къ умозрѣнію, эта абсолютная привязанность ко всему практическому, безъ сомнѣнія, чрезвычайно поразительны. Такое настроеніе ума совершенно согласно съ духомъ націи: въ Англіи барометръ называютъ еще и теперь философскимъ инструментомъ; съ философіей въ собственномъ смыслѣ тамъ никто незнакомъ. Тамъ есть моралисты, психологіи, но нѣтъ метафизиковъ; а если мы и встрѣчаемъ такого, каковъ напр. м-ръ Гамильтонъ, то онъ всегда оказывается скептикомъ въ метафизикѣ; онъ прочелъ нѣмецкихъ философовъ для того, чтобы ихъ опровергнуть; онъ считаетъ умозрительную философію нелѣпостью, созданною пустоголовыми людьми; онъ долженъ извиниться предъ читателями за странность предмета, о которомъ говорить, когда старается объяснить нѣкоторыя умозаключенія Гегеля. Англичане люди положительные и практическіе: ихъ дѣло — политика, администрація, война и биржа, но они столь же мало, какъ древніе римляне, способны къ отвлеченностямъ утонченной діалектики и грандіозныхъ системъ. Нѣкогда и Цицеронъ извинялся, приступая къ изложенію глубокихъ и смѣлыхъ выводовъ стоиковъ, въ аудиторіи, наполненной сенаторами и общественными дѣятелями.

Одна только часть философіи нравится людямъ такого характера — это нравственность; подобно имъ, она вся дышитъ практичностью и занимается только изслѣдова-

ніемъ поступковъ. Ее одну изучали въ Римѣ, и всякій понимаетъ значеніе, которое она имѣла въ англійской философіи; Гютчесонъ, Прайсъ, Фергюсонъ, Воластонъ, Адамъ Смитъ, Бентамъ, Рейдъ и многіе другіе написали въ прошломъ столѣтіи множество трактатовъ о законахъ, опредѣляющихъ наши обязанности, и о способности, ихъ открывающей. „Опыты“ Маколея представляютъ новый примѣръ этой преобладающей національной склонности; его біографіи составляютъ скорѣе оцѣнку, чѣмъ портреты. Для него главный вопросъ въ томъ, чтобы вѣрно опредѣлить степень честности или безчестности описываемаго лица; все въ разсказѣ подчиняется этому; если онъ останавливается на комъ-нибудь, то только для того, чтобы оправдать, извинить, обвинить или осудить. Говоритъ ли онъ о лордѣ Клайвѣ, Ворренѣ Гастингсѣ, Вилліамѣ Темплѣ, Аддисонѣ, Мильтонѣ или о комъ другомъ, онъ прежде всего старается точно опредѣлить число и степень ихъ пороковъ или добродѣтелей; онъ прерывается на срединѣ разсказа, чтобы обсудить, правиленъ или неправиленъ описываемый имъ поступокъ; онъ разсматриваетъ его то какъ юристъ, то какъ моралистъ, то съ точки зрѣнія положительнаго права, то съ точки зрѣнія естественнаго; онъ обращаетъ вниманіе на состояніе общественнаго мнѣнія, на среду, которая окружала изображаемую личность, на принципы, которыхъ она держалась, на воспитаніе, которое она получила. Онъ подтверждаетъ свое мнѣніе аналогіями, взятыми изъ обыденной жизни, изъ исторіи всѣхъ народовъ, изъ законодательства всѣхъ странъ; онъ приводитъ столько доказательствъ, столько достовѣрныхъ фактовъ, столько логичныхъ разсужденій, что лучший адвокатъ могъ бы взять его за образецъ, и когда онъ наконецъ произноситъ приговоръ, то кажется, что вы слышите рѣшеніе президента

суда присяжныхъ. Если онъ разбираетъ, напр., литературу временъ Реставраціи, онъ устраиваетъ надъ ней родъ суда, какъ бы читаетъ обвинительный актъ; затѣмъ приводитъ защитительную рѣчь ея адвокатовъ, которые стараются извинить ея легкомысліе и непристойность; наконецъ начинаетъ говорить въ свою очередь и доказывать, что приведенныя разсужденія непримѣнимы къ случаю, о которомъ идетъ рѣчь; онъ говоритъ, что обвиненные писатели преднамѣренно старались развратить нравы; что они не только употребляли непристойныя слова, но съ намѣреніемъ и обдуманно изображали непристойныя вещи, что они старались изгладить отвратительную сторону порока, сдѣлать добродѣтель смѣшной; они считали прелюбодѣяніе обязательнымъ поступкомъ для чловѣка съ изящнымъ вкусомъ; онъ говоритъ, что все это тѣмъ достовѣрнѣе, что оно было въ духѣ времени, что они льстили пороку своего вѣка. Еслибы я осмѣлился употребить, подобно Маколею, религіозныя сравненія, то сказалъ бы, что его критика похожа на страшный судъ, гдѣ разнообразіе талантовъ, характеровъ, положеній и должностей исчезнетъ при оцѣнкѣ добродѣтели и порока, гдѣ не будетъ художниковъ, а будутъ только праведники и грѣшники.

Во Франціи характеръ критики болѣе свободный; она менѣе подчинена нравственности и болѣе приближается къ искусству. Когда мы хотимъ описать жизнь или изобразить характеръ чловѣка, то охотно смотримъ на него просто какъ на предметъ живописи или научнаго изслѣдованія: мы стараемся только описать его чувства, показать связь его мыслей и необходимость его поступковъ; мы его не судимъ, а стараемся только изобразить и сдѣлать понятнымъ. Мы поступаемъ какъ любопытные, не больше. Намъ мало дѣла до того, что Петръ или Павелъ плуты—объ

этомъ должны были заботиться ихъ современники; они страдали отъ ихъ пороковъ и должны были презирать и осуждать ихъ. Теперь они не вредятъ уже намъ, и вмѣстѣ съ опасностью исчезла и ненависть. На этомъ разстояніи и въ исторической перспективѣ я вижу въ отжившемъ только машину, одаренную умомъ, снабженную известными пружинами, брошенную по известному направленію и сталкивающуюся съ различными обстоятельствами: я вычисляю дѣйствіе двигателей; чувствую вмѣстѣ съ этой личностью удары, которые ей наносятъ различныя препятствія; заранѣе вижу отклоненіе ея пути; не чувствую къ ней ни презрѣнія, ни отвращенія; я отказался отъ этихъ чувствъ, приступая къ изученію исторіи, и теперь испытываю глубокое и чистое наслажденіе, наблюдая какъ духъ человѣка дѣйствуетъ по опредѣленному закону въ опредѣленной средѣ, со всѣмъ разнообразіемъ человѣческой природы и со всею послѣдовательностью, какую внутреннее устройство человѣка налагаетъ на вѣдшее развитіе его страстей.

Въ странѣ, гдѣ такъ много занимаются нравственностью, а такъ мало философіей, много религіозности. По недостатку естественной теологіи всѣ придерживаются теологіи положительной и ищутъ въ библіи метафизики, которой не создалъ разумъ. (*) Маколей протестантъ и, несмотря на то, что умъ его ясенъ и либераленъ, въ немъ есть однако англійскіе предразсудки противъ католической вѣры. (**) Въ Англіи папизмъ все еще принимается за нечестивое идолопоклонство и унижительное рабство. Со времени двухъ революцій, протестантизмъ, союзникъ свободы, явился религіей свободы, а католицизмъ, союзникъ деспотизма, явился религіей деспотизма; оба

(*) Т. IV, 93.

(**) См. ниже. стр. 23, и т. IV, 110.

ученія приняли названіе того дѣла, которое они поддерживали. На протестантизмъ перенесли всю любовь и уваженіе, которое имѣли къ правамъ, имъ защищаемымъ; на католицизмъ излили презрѣніе и ненависть, чувствовавшіяся къ рабству, которое онъ хотѣлъ ввести; политическія страсти разожгли религіозныя вѣрованія; протестантизмъ слился съ мыслью о побѣдоносномъ отечествѣ, католицизмъ — съ мыслью о побѣжденномъ непріятелѣ; предразсудокъ остался, когда борьба уже кончилась, и даже донынѣ англійскіе протестанты вовсе не питаютъ къ ученію католиковъ той благосклонности, съ какою французскіе католики относятся къ протестантизму.

Но эти англійскія мнѣнія умѣряются у Маколея горячею любовью къ справедливости. Онъ либераленъ въ самомъ широкомъ, въ самомъ прекрасномъ смыслѣ этого слова. Онъ требуетъ, чтобы всѣ граждане были равны предъ закономъ, чтобы люди всѣхъ сектъ были признаны правоспособными ко всѣмъ общественнымъ должностямъ, чтобы католики и евреи могли, какъ лютеране, англикане и кальвинисты, засѣдать въ парламентѣ. Онъ опровергаетъ м-ра Гладстона и приверженцевъ государственныхъ религій съ неподражаемымъ жаромъ краснорѣчія, обиліемъ доказательствъ и силою разсужденія; онъ доказываетъ до очевидности ясно, что государство не болѣе какъ свѣтская ассоціація, что цѣль его чисто мірская; что единственный предметъ его заботы — охраненіе жизни, свободы и собственности гражданъ; что, возлагая на нее защиту духовныхъ интересовъ, ниспровергаютъ порядокъ вещей, и что придавать ей религіозное вѣрованіе значитъ походить на человѣка, который, не удовлетворяясь тѣмъ, что ходитъ ногами, поручилъ бы ногамъ заботу и ощущать и видѣть. Этотъ вопросъ много разъ разбирался во Франціи; о немъ толкуютъ еще и теперь; но никто

не внесъ въ него больше здраваго смысла, больше практическихъ основаній. болѣе осязательныхъ доводовъ. Маколей вывелъ споръ изъ области метафизики; онъ сводить его на землю; онъ дѣлаетъ его доступнымъ для всѣхъ; онъ почерпаетъ свои доказательства и свои примѣры изъ самыхъ извѣстныхъ фактовъ обыденной жизни; онъ обращается къ купцу, къ мѣщанину, къ артисту, къ ученому, ко всѣмъ; онъ связываетъ истину, которую доказываетъ, съ тѣми простыми и задушевными истинами, въ принятіи которыхъ никто не можетъ задуматься и въ которыхъ вѣрятъ со всей силой опыта и привычки; онъ овладѣваетъ и господствуетъ надъ вѣрованіемъ въ силу такихъ прочныхъ основаній, что даже его противники будутъ благодарны ему за то, что онъ убѣдилъ ихъ; и еслибъ какъ-нибудь нѣкоторымъ особамъ, у насъ, понадобилось взять урокъ терпимости, то они должны были бы искать его въ этомъ „Опытѣ“.

Любовь къ справедливости становится страстью, когда дѣло идетъ о политической свободѣ; это — чувствительная струнка, и, дотрогиваясь до нея, мы хватаемъ писателя за сердце. Маколей любитъ политическую свободу изъ интереса, потому что она единственная гарантія имуществъ, счастья и жизни частныхъ лицъ; онъ любитъ ее изъ гордости, потому что она составляетъ честь человѣка; онъ любитъ ее изъ патріотизма, потому что она — наслѣдство, завѣщанное предъидущими поколѣніями; потому что, въ продолженіе двухъ сотъ лѣтъ, цѣлый рядъ честныхъ и великихъ людей защищаль ее отъ нападений и спасалъ отъ всякихъ опасностей; потому что она составляетъ силу и славу Англіи; потому что, научая гражданъ имѣть свою собственную волю и свое сужденіе, она увеличиваетъ ихъ достоинства и ихъ развитіе; потому что, упрочивая внутренній міръ и непрерывный